

Татьяна Павловна Савченкова

Неизвестный известный Ершов, или Четыре этюда об авторе знаменитой сказки

С именем Ершова, его творчеством и судьбой связано немало устоявшихся и до настоящего времени ещё не пересмотренных точек зрения. Наиболее распространённым является мнение о том, что после раннего и самого удачного своего художественного опыта – сказки *Конёк-Горбунок*, Ершов не создал ничего более значительного, а все его последующие произведения отмечены печатью подражательности и провинциальности да ещё и сильно ‘испорчены’ религиозно-монархическими идеями. В результате такого подхода к наследию писателя немалая часть его произведений до сих пор не опубликована или преподнесена в ряде изданий в ‘сокращённом’ виде, с удалёнными строфами или даже несколькими стихотворениями в лирических циклах, а также купюрами в прозе и драматических опытах и, соответственно, наше представление о его духовной жизни оказывается очень неполным. До сих пор не опровергнуто и представление о том, что возвращение Ершова из Петербурга в Тобольск, ‘необдуманное по молодости лет’ (мнение А.К. Ярославцова, университетского друга Ершова), помешало дальнейшему развитию творческих способностей писателя, а провинция погубила его поэтическое дарование.

Данная работа, основанная на малоизвестных и нововыявленных документах и архивных материалах, призвана поколебать эту ‘европоцентристскую’ точку зрения и представить Сибирь как край с богатой и разнообразной духовной жизнью, а Ершова как одного из активных деятелей сибирской культуры, продолжателя традиций классической пушкинской эпохи в произведениях, созданных им по возвращении на родину, и талантливого журналиста, популяризатора знаний о сибирском крае в газете *Тобольские губернские ведомости*.

Напомним, что Пётр Павлович Ершов родился в 1815 году в сибирской деревне Безруковой, расположенной рядом с городом Ишимом Тобольского округа (в настоящее время это самый южный город Тюменской области). Учился он в Берёзовском и Тобольском уездных училищах и в Тобольской губернской гимназии, в 1830 уехал в Петербург для продолжения образования в университете, в студенческие годы, в девятнадцатилетнем возрасте написал сказку в стихах

Конёк-Горбунук, которая была опубликована частично в журнале *Библиотека для чтения* за 1834 год, и в этом же году вышла отдельной книжкой. При жизни Ершова появилось ещё шесть изданий – 1840, 1843, 1856, 1861, 1865, 1868 г. Сказка имела большой резонанс и вызвала разнообразие газетные и журнальные отклики. Одна из первых и глубоких характеристик произведения молодого поэта принадлежит историку русской литературы В.Т. Плаксину: “Г. Ершов первым произведением своим обнаружил силу творческого таланта, взлелеянного под простым и затейливым рассказом отечественных песен и сказок. Мы имеем несколько весьма удачных попыток народных повествований, рассказов и разговоров, то отдельными произведениями, то эпизодами в романах, но ничего подобного и равного *Коньку-Горбунку* не может представить литература. Здесь мы видим необыкновенное воспоминание старого быта с его причудливыми поверьями и мечтаниями; этот рассказ одушевлён любовью не только к самому предмету, но и к приёмам, оживлён мыслию и обогащён изяществом форм” (Плаксин 1835: 29).

Сам автор уже на склоне своей жизни объяснял необыкновенный успех сказки следующим образом: “На *Коньке-Горбунке* воочью сбывается русская пословица: не родись ни умён, ни пригож, а родись счастлив. Вся моя заслуга тут, что мне удалось попасть в народную жилку. Зазвенела родная и – и русское сердце отозвалось

от холодных финских скал
до стен недвижимого Китая”¹.

У сказки Ершова множество достоинств: образность картин, звучность языка, мелодичность стиха, но её прочное место в истории литературы можно объяснить талантом поэта, отразившего с гениальной простотой главную черту русского менталитета: стихийное переживание непосредственной связи малого мира (дом, двор, деревня, поле) и вселенских просторов:

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба – на земле,
Жил старик в одном селе.

И этот бескрайний мир, запечатлённый уже в самых первых строках сказки, мог появиться как один из главных образов *Конька-Горбунка* у автора, родившегося в глубине Сибири и ощущавшего с самого раннего детства её огромные просторства.

¹ Здесь и далее письма Ершова цитируются по следующему изданию: Ярославцов А.К. Пётр Павлович Ершов, автор сказки *Конёк-Горбунук*: *Биографические воспоминания университетского товарища его*, СПб. 1872.

Забегая вперёд следует сказать, что сказка переиздавалась бессчётное количество раз после смерти создателя и тем самым подтверждались его слова, написанные после выхода четвёртого издания: “Конёк мой снова поскакал по всему русскому царству. Счастливый ему путь! Заслышав, тому уже 22 года, похвалу себе от таких людей, как Пушкин, Жуковский и Плетнёв, и проскакав в это время во всю долготу и широту русской земли, он ... тепшит люд честной, старых и малых, сидней и бывалых, и будет тепшит их, пока русское слово будет находить отголосок в русской душе, то есть до скончания века”. В XX веке *Конёк-Горбунок* зазвучал на всех языках мира, в том числе и итальянском².

В петербургский период своей жизни Ершов создаёт и другие произведения: стихотворения *Желание*, *Семейство роз*, *Две музы*, *Туча*, появившиеся не без влияния близкого друга, необыкновенно популярного в ту эпоху поэта-романтика В.Г. Бенедиктова. В *Библиотеке для чтения* за 1835 год выходит ершовская поэма-баллада *Сибирский казак*, оригинально разрабатывающая характерную для европейской и русской романтической литературы мифологему ‘мёртвого жениха’. В Гуттенберговой типографии отдельным изданием появляется *Суворов и станционный смотритель*: Драматический анекдот (СПб. 1836).

Литературная деятельность Ершова продолжается и в Сибири, куда он возвращается летом 1836 года в качестве учителя Тобольской гимназии, затем инспектора (с 1844 года) и директора (с 1857) гимназии и дирекции училищ Тобольской губернии. В послепушкинском *Современнике* он печатает поэму *Сузге* (1838, Т.12, с. 41-75), посвящённую подвигу и гибели татарской царицы, жены хана Кучума Сузге во время осады её крепости казаками Ермака, и стихотворения *Кто он?* (1837, Т. 6, с. 95-96), *Ответ* (1846, Т. 43, с. 212-214), *Призыв* (1846, Т. 44, с. 362-363), *Воспоминание* (1846, Т. 44, с. 228-229), а в *Библиотеке для чтения* стихи *Музыка* (1840, Т. 40, с. 7-9), *Сон* (1840, Т. 38, с. 161-163), *Зимний вечер* (1841, Т. 44, с.10), *Клад души* (1841, Т. 44, с. 5-8) и т.д. В 50-х гг. Ершов обращается к прозе, публикуя в петербургском журнале *Живописный сборник замечательных предметов из наук, искусства, промышленности и общежития* (1857, Т.4) цикл из семи романтических рассказов *Осенние вечера* (первоначальное название – *Сибирские вечера*). В 1862 году Ершов выходит в отставку и прекращает писать. Умирает он в 1869 году, похоронен в Тобольске на Завальном кладбище.

² В специальной справочной литературе можно видеть ссылки на два издания: Ersicov P., *Il cavallino gobbo ed altre fiabe nordiche*, a cura di M. Tibaldi Chiesa, Ill. di Gustavino. M.: Camo. “Genio”, 1949; Eršov P.P., *Il cavallino magico*, Milano, Europa, 1967. К сожалению, они настолько редки, что их не удалось обнаружить даже в таких крупных книгохранилищах России, как Библиотека иностранной литературы имени М.И. Рудомино, Российская государственная библиотека, Российская национальная библиотека, Библиотека Академии наук.

Ершов и Пушкин в журнале Библиотека для чтения

О петербургских встречах Пушкина с Ершовым и о роли знаменитого поэта в судьбе молодого сибиряка можно узнать из книг биографов и литературоведов, писавших о жизни и творчестве автора *Конька-Горбунка*. Менее известны и практически не исследованы 'встречи' Пушкина с Ершовым на страницах печатных изданий первой половины XIX века, в частности, в *Библиотеке для чтения* (далее БДЧ).

Этот журнал является почти полным 'ровесником' ершовской сказки. Первая книга БДЧ выходит в свет 1 января 1834 года. Издание было задумано О.И. Сенковским, писателем, журналистом, учёным-ориенталистом, преподавателем Петербургского университета, в котором учился Ершов, и А.Ф. Смирдиным, известным книгопродавцем и книгоиздателем тех лет. О.И. Сенковский был фактическим редактором журнала с момента его основания и по октябрь 1856 года, когда он был вынужден отказаться от этой работы по причине своей болезни (как редактор Сенковский предпочитал сохранять анонимность, в феврале-декабре 1834 года исполнителем этой должности значится Н.И. Греч). Одним из главных цензоров БДЧ, допускавшим произведения Пушкина и Ершова к печати, был профессор русской словесности Петербургского университета А.В. Никитенко. Печатался журнал в типографии вдовы Плюшар с сыном. Все эти лица играли значительную роль в творческой судьбе обоих поэтов.

БДЧ был первым русским 'толстым' журналом универсального типа. Он появлялась ежемесячными книжками. Две книжки составляли том с особым заглавным листом, каждая книга включала в себя почти восемнадцать печатных листов. Нумерация томов и книг была сквозной. Основатели журнала изначально рассчитывали на популярность и коммерческий успех, поэтому на титульный лист были вынесены имена самых известных литераторов той эпохи: Баратынского, Булгарина, Жуковского, Крылова, Кн. Одоевского, Полевого, Пушкина, Языкова и т.д. Дважды, под псевдонимом Барон Брамбеус и своим настоящим именем, фигурировал здесь и сам негласный редактор.

В журнале можно было найти различные по направленности разделы:

- Русская словесность (Стихотворения. Проза).
- Иностранная словесность.
- Науки и искусства.
- Промышленность и сельское хозяйство.
- Критика.
- Литературная летопись.
- Смесь.

К каждому номеру прилагались картинки мод. В двух первых разделах публиковались в соответствии с заявленной программой: "Новые стихотворения лучших русских поэтов; Повести, рассказы, статьи о нравах и тому подобные про-

изведения известнейших в сем роде писателей; Переводы лучших иностранных стихотворений и прозаических литературных статей из французских, английских и немецких журналов и книг”.

Журнал, рассчитанный на разнообразные вкусы читателей, вскоре стал самым популярным и многотиражным изданием той эпохи. Активно сотрудничают в нём и Пушкин с Ершовым.

В первом томе БДЧ Пушкин публикует балладу *Гусар*, получая от А.Ф. Смирдина гонорар в 1000 рублей, а во втором томе представляет уже несколько произведений. Так, в первой (февральской) книге, (вторая по сквозной нумерации) второго тома Пушкин публикует *Сказку о мёртвой царевне и о семи богатырях*, во второй (мартовской) или третьей по сквозной нумерации – повесть *Пиковая дама* и переводы баллад Мицкевича *Будрыс и его сыновья*, *Литовская баллада*, *Воевода*, *Польская баллада*.

В пятой книжке третьего тома (май) состоялась первая встреча Пушкина и Ершова. В разделе “Русская словесность. Поэзия” была опубликована сказка *Конёк-Горбунок* – успешный дебют Ершова, студента Санкт-Петербургского университета. Публикация первой части сказки и восемнадцати стихов второй части (с. 214-234) сопровождалась хвалебным отзывом О.И. Сенковского и уведомлением о скором выходе полного произведения ‘особой книгой’. В этом же номере журнала (с. 238) было впервые напечатано и стихотворение А.С. Пушкина *Красавица* (в альбом Г***), посвящённое графине Елене Михайловне Завадovской.

Впечатляет соседство Пушкина и Ершова в последнем, седьмом, томе журнала БДЧ за 1834 год. Двенадцатая (декабрьская) книжка этого тома включает в себя стихотворение Ершова *Ночь на Рождество Христово* (с. 5-8), которое представляет поэтическое изложение евангельской истории о Вифлеемской звезде, возвестившей рождение Христа и приведшей к нему на поклонение пастухов, и отрывок Пушкина *Петербург* из неопубликованной поэмы *Медный всадник* (с. 117–119). В этот том входили также стихотворение Ершова *Молодой орёл* (с. 12-14) и повесть А.С. Пушкина *Кирджали* (с. 197–204), а в разделе “Смесь” были представлены *Два любопытные документа о Пугачёве* (сообщённые А.С. Пушкиным) – 1. *Показание жены Пугачёва*. 2. *Показание атамана Фомина*.

Сближения Пушкина и Ершова на страницах БДЧ наблюдаются и в дальнейшем. В девятом томе за 1835 год, в пятнадцатой книге (март) появляется первая часть *Песен западных славян* Пушкина, а в шестнадцатой книге (апрель) можно видеть стихотворение П.П. Ершова *Прощание с Петербургом* (с. 117-120), которое размещается в подбор со *Сказкой о золотом петушке* (111 – 117). В десятом томе, семнадцатой (майской) книжки вторая часть баллады Ершова *Сибирский казак* (первая была опубликована в четырнадцатой книжке) появится вслед за *Сказкой о рыбаке и рыбке* Пушкина, а в восемнадцатой (июньской) появится *Русская песня* Ершова.

Все эти примеры – наглядное свидетельство значимости творчества молодого поэта, который в глазах многочисленных подписчиков журнала оказывался

на одной ступени с Пушкиным. Успех автора *Конька-Горбунка* поддерживался не только другими произведениями Ершова, по- своему интересными и значительными (*Сибирский казак*, *Русская песня*), но и соседством Пушкина.

Но имело ли всё это какое-либо значение для самих поэтов? Были ли примеры творческой переключки? На этот вопрос можно ответить утвердительно. Пример – публикация стихотворения Ершова *Прощание с Петербургом* в апреле 1835 года, которое, по-нашему мнению, можно рассматривать в качестве поэтического отклика на пушкинский *Петербург. Отрывок из поэмы*.

Как известно, поэма *Медный всадник* была написана в 1833 году и напечатана в полном виде лишь после смерти автора, но вступление к ней появилось в декабрьской книжке БДЧ за 1834 год. Поразительно, что эти пушкинские стихи не были замечены его современниками. Эта ‘странность’ рассмотрена историками литературы А.А. Осповатом и Р.Д. Тименчиком, которые обратили внимание на совершенное равнодушие к пушкинскому *Петербургу* И.И. Панаева, В.Г. Белинского и В.К. Кюхельбекера (Осповат, Тименчик 1985: 44). Так, Панаев, опубликовавший свой перевод из Гюго рядом с пушкинским фрагментом, не мог вспомнить впоследствии, с какими же стихами соседствовали его *Стансы*. В.Г. Белинский в статье “Литературные мечтания”, напечатанной через две недели после появления пушкинского отрывка, писал: “Теперь мы не узнаём Пушкина: он умер или, может быть, обмер на время [...] По крайней мере, судя по его сказкам, по его поэме “Анжело” и по другим произведениям, обретающимся в *Новоселье* и *Библиотеке для чтения*, мы должны оплакивать горькую, невозвратную потерю”. В.К. Кюхельбекер получает декабрьскую книжку журнала через год после её выхода и видит в ней повесть К.П. Масальского *Дон Кихот XIX века*, показавшуюся ему “совершенным вздором”, *Кирджали* Пушкина, оценённую как “анекдот, но очень хорошо рассказанный” и даже обзорную статью М.А. Яковлева “Русская драматургия в Санкт-Петербурге”. Он отмечает эти произведения в своём дневнике, где, кстати, можно найти и его отзыв о стихотворении Ершова *Молодой орёл*, опубликованном в ноябрьской книжке журнала (“В *Библиотеке* [...] из стихотворений замечу прекрасной версификации *Молодой орёл* Ершова), но ни слова не говорит о *Петербурге*.

Авторы вышеупомянутой книги невнимание современников к *Петербургу* объясняют следующим образом: изъятое из своего контекста, пушкинское вступление фактически “утонуло” в потоке многочисленных од ‘военной столице’, созданных по поводу открытия 30 августа 1834 года Александровской колонны. Как бы то ни было, но откликов, действительно, не отмечено, кроме одного – поэтического. И им является, как мы уже отмечали выше, стихотворение Ершова *Прощание с Петербургом*.

Считается, что оно было связано с предполагавшимся возвращением поэта в Тобольск, которое осуществилось позднее, в июле 1836 года. Сопоставительный

анализ двух *Петербургов* являет множество черт сходства на всех художественных уровнях: тематическом, образном, лексическом, структурном, метрическом.

(Стихотворения Пушкина и Ершова цитируются без указания страниц по следующим изданиям: Пушкин 1999; Ершов 1976; сказка *Конёк-Горбунук* цитируется по изданию: Ершов 1834).

Пушкин

Люблю тебя, *Петра творенье*,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы *державное* течение,
Береговой её гранит

Люблю, военная столица,
Твоей *твердыни* дым и гром

Прошло сто лет и *юный град*,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознёсся *пышно*, горделиво

Ершов

Прости и ты, *о град державный*,
Твердыня северных морей,
Венец отчизны православной,
Жилище *пышное* царей,
Петра державное творенье!

Прости, Петрополь величавый,
Невы державной полуобог

Летами *юный*, ветхий славой

Стихотворения написаны четырёхстопным ямбом, строфы в них не выделены, а количество строк фактически совпадает: у Пушкина – 87; у Ершова – 89.

Показателен и следующий момент. В стихотворении Ершова можно видеть лакуну (пропущенные строки заменены отточиями). Функция пропуска – изменение темы: в первой части стихотворения – это прощание лирического героя со святой невской зарёй, во второй – панегирик Петербургу. Пропуск способствует и созданию особого художественного эффекта. В момент возросшего эмоционального напряжения поэт словесному самовыражению предпочитает умолчание. Как известно, пропуск строк в стихотворении – характерный пушкинский приём, который он виртуозно использовал в *Евгении Онегине*, где точками могли заменяться несуществующие строки. Пропущенные строки Ершов увидел и в пушкинском *Прощании с Петербургом*, не зная, по всей видимости, что в данном случае пропуск строк имел цензурный характер.

Из первой части пушкинского стихотворения ‘высочайшими цензором’ поэта – Николаем I, были исключены четыре строки: “И перед младшею столицей / Померкла старая Москва, / Как перед новою царицей / Порфироносная вдова”.

Воспринимая это изъятие как традиционный приём поэта, подчёркивающий тематическое изменение: в первой части пушкинского произведения – рассказ о созидании Петербурга; во второй – воспевание его красоты, Ершов подхватывает его и использует в своем стихотворении с аналогичной целью. Есть и другие моменты сходства. К примеру, финальные строки своего *Прощания с Петербургом*,

которые молодой поэт организует в форме своеобразного наказа городу, соотносимы с заключительными стихами пушкинского *Петербургa* (имеется в виду публикация в БДЧ), написанными в императивной форме.

Пушкин

Красуйся, град Петров, и стой
 Неколебимо, как Россия,
 Да умирится же с тобой
 И побеждённая стихия;
 Вражду и плен старинный свой
 Пусть волны финские забудут
 И тщетной злобою не будут
 Тревожить вечный сон Петра!

Ершов

Летами юный, ветхий славой,
 Величья русского залог,
 Прости, Петрополь величавый,
 Невы державной полубог!
Цвети под радужным сияньем
 Твоей блистательной весны
 И *услаждай* воспоминаньем
 Поэта пламенные сны!

Таким образом, Ершов открыто подражает Пушкину, не боясь обвинений в подражательности, гордясь своим ‘ученичеством’ у Пушкина. В отличие от современников он ‘видит’ пушкинское стихотворение, чувствует его гениальность и в то же время в русле пушкинской традиции создаёт своё произведение; “подхватывающая” темы, образы, мотивы пушкинского *Петербургa*, молодой поэт в то же время развивает их абсолютно самостоятельно и оригинально. Он по-своему интерпретирует тему города, который для него “глубок общерусской памятью, славен славою всей русской земли” (Исупов 1989: 30). Петербург для Ершова – центр православной Руси, “величья русского залог”.

Русь патриархальная, находившаяся на грани гибели: “Россия при дверях могилы, / Её держал татарский сон”, получает новую жизнь с появлением Петра – “чудесного зиждителя”, “полуночного Прометея”, а в созданном им городе, как и во всей России, время приобретает особую стремительность. Для воплощения этой мысли Ершов находит удивительно ёмкие строки: “Она восстала, Русь святая, / Могуча, радостна, светла, / И юной жизнью расцветая, / Годами веки протекла!”. В стихотворении просматривается официальная идеологема: “православие, самодержавие, народность”, которая получает выражение в соответствующих эмблематических образах двуглавого орла и святого храма: “В лесах страны иноплеменной / Воздвиглась русская гора. / На ней воссел орёл двуглавый”; “В твоих священных храмах веют / Народной славою знамена, / И на гробах твоих светлеют / Героев русских имена”. Петербург здесь не только стратегический оплот государства, “твердыня северных морей”, но и “венец отчизны православной, жилище пышное царей”.

Тема возродившейся святой Руси, новым олицетворением которой становится невяская столица, поддерживается библейской лексикой, архаическими словоформами: ‘хлад’, ‘град’, ‘клик’, ‘веки’, ‘полуночный’, ‘твердыня’, ‘скрижаль’, ‘зиждитель’, ‘предтеча’. Выражение ‘летами юный, ветхий славой’ соотносится с

одной из парафраз Бога в книгах Ветхого Завета – ‘ветхий деньми’, а может быть, имеет и характер аллюзии – в *Оде на прибытие Ея Величества великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации* М.В. Ломоносова есть строки: “Благословенна вечно буди, / Вещает Ветхий деньми к Ней”.

Слова и выражения ‘высокого стиля’ характерны и для пушкинского *Петербурга*: ‘чёлн’, ‘град’, ‘диво’, ‘блат’, ‘полнощных’, ‘в гранит оделася’, ‘победу... торжествует’, ‘неколебимо, как Россия’. В обоих произведениях их функция сходна: представить петровское ‘творенье’ не только в контексте русской истории, но и вечности. Библизмы и архаическая лексика пушкинского и ершовского стихотворений придают им одическое звучание, но в *Прощании с Петербургом* одическое начало соединяется с элегическим. Традиционные для элегии клише: ‘тоска глубокая’, ‘взор прощальный’, ‘ткани ночи гробовые’ призваны акцентировать тему страданий лирического героя, его своеобразного ‘изгнанничества’. Он вынужден оставить Петербург и отправиться в родные, но суровые края, где его ожидают одиночество и печаль. В этом стихотворении немало ‘эффектных’ образов и ярких эпитетов: ‘волшебный блеск лучей’, ‘синева хрустальная’, ‘блестящий радужный венец’, ‘небо в огненных цветах’, ‘радужное сиянье’, ‘блистательная весна’, ‘пламенные сны’. Они характерны для романтической поэзии 1830-х гг., творчества целого ряда поэтов (А. Подолинский, А. Тимофеев, Э. Губер, В. Бенедиктов), публиковавшихся на страницах БДЧ. Разделяя эстетические пристрастия этих поэтов, Ершов в то же время осознаёт себя продолжателем пушкинской лирической линии и достаточно открыто это показывает.

Нельзя не обратить внимания и на соседство в БДЧ сказок двух поэтов. На страницах журнала *Конёк-Горбунук* оказался словно в золотой оправе в обрамлении пушкинских сказок. Традиционно указывается на единственную сказку Пушкина, появившуюся в печати до *Конька-Горбунка* – *Сказку о царе Салтане*. Историками литературы до сих пор не отмечен факт публикации в февральской книге БДЧ *Сказки о мёртвой царевне* как непосредственно ‘предшествовавшей’ *Коньку-Горбунку*. Проблема воздействия этих двух произведений Пушкина на художественный мир ершовской сказки нуждается в серьёзном изучении. Но есть ли следы знакомства с Ершовым в творчестве Пушкина? Вопрос может показаться слишком смелым, если не заметить тесного соседства двух поэтов на страницах БДЧ.

1 апреля 1835 года, то есть через одиннадцать месяцев после публикации *Конька-Горбунка* (летом 1834 года сказка Ершова выходит также и отдельным изданием в типографии Х. Гинце), Пушкин печатает в БДЧ *Сказку о золотом петушке*, а 1 мая – *Сказку о рыбаке и рыбке*. *Сказка о золотом петушке* – единственная сказка, законченная Пушкиным после ершовского *Конька-Горбунка* и единственное произведение его последней болдинской осени – на беловом автографе отражён момент завершения работы – “Болдино / 20 с(е)нт(ября) 1834 / 10 ч(асов) 53 м(инуты)”. Об источниках этой сказки, изменении первоначального замысла,

возникшего в 1833 году, работе Пушкина над её текстом писали многие исследователи (Фомичёв 2006: 19), но проблема возможного воздействия Ершова на Пушкина была затронута только А.А. Ахматовой, которая, обращаясь к автографам *Сказки о золотом петушке*, писала: “Не зачёркнутая в рукописи строка ‘Что за притча молвит он’ не перенесена в беловик. Может быть, Пушкин заметил, что это же восклицание встречается в только что выпедшей тогда (летом 1834) сказке Ершова *Конёк-Горбунук*. Этим же можно объяснить и колебания в выборе пейзажа. Следующие стихи написаны дважды:

К морю войско царь приводит
Что ж на берегу находит...

Очевидно, на морском берегу должен был находиться шатёр царицы, но затем Пушкин сразу отказывается от мысли расположить шатёр на морском берегу и пишет:

Что же меж высоких гор
Видит (Белый) шёлковый шатёр.

Шатёр, морской берег, царь-девица (см. соответствующий эпизод сказки Ершова)” (Ахматова 1989: 45-46).

В статье “Последняя сказка Пушкина” Ахматова цитирует Александра Михайловича Языкова (брата поэта Н.М. Языкова), который 26 сентября 1834 года посетил Пушкина в Болдине и в своих воспоминаниях писал: “[...] он мне показывал историю Пугачёва [...] несколько сказок в стихах, в роде Ершова, и историю рода Пушкиных”. Она предполагает, что Языков был первым слушателем *Сказки о золотом петушке*, но его определение “в роде Ершова” представляется Анне Андреевне странным, и она делает помету: “Почему Ершова” (Ахматова 1989: 36, 266). В то же время Ахматова проводит интересные наблюдения над языком последней пушкинской сказки и пишет: “Сличение черновика и белого автографа *Сказки о золотом петушке* показывает, что Пушкин в процессе работы снижал лексику, приближая её к просторечию. Приведём несколько примеров.

Царь к окошку, – что *ж* на спице (черн.)
Царь к окошку, *ан* на спице (оконч. ред.)

Что же? *Меж* высоких гор
И *промеж* высоких гор

Ты старик (мудрец) с(о) *ума сошёл*
Видно (Или) ты с *ума режнулся?*

Встыхнул царь – так же нет
Плюнул царь: Так лих же, нет!

Крикнул царь и в то же время
Охнул раз, – и умер он”.

Насыщенность данной сказки просторечным элементом А. Ахматова не связывает с ершовским произведением, но, как нам кажется, момент такого влияния нельзя исключать. Для примера сравним представленные выше строки окончательного варианта пушкинской сказки со следующим фрагментом *Конька-Горбунка*:

[...] Но смотри,
 Если ты недели в три
 Не достанешь мне Жар-птицу
 В нашу царскую светлицу,
 То, *клятуся* бородой,
 Не являйся мне живой:
 Посажу тебя я *на кол*.
 Вон сей час! – Иван заплакал
 И пошёл на сеновал,
 Где конёк его лежал.
 Горбунок, его почуя,
Дрягнул было плясовую;
 Но, увидя дурака,
 Он *оставил* *трепака* [...]

В том и другом случае мы видим особую экспрессию просторечного слова и проблема возможного воздействия ершовского произведения на последнюю пушкинскую сказку не кажется нам маловероятной. Следует помнить, что ещё в 1828 году Пушкин писал: “В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному” (Пушкин 1999: 73). В свете этого суждения *Конёк-Горбунок* с его языковой свободой представляется тем художественным образцом, который мог побудить Пушкина к своеобразному поэтическому соревнованию с Ершовым.

Таким образом, сопоставление произведений двух поэтов, ‘встречавшихся’ на страницах БДЧ, заставляет сомневаться в достаточно традиционной схеме, по которой Ершов является всего лишь эпигоном Пушкина в лирике и учеником, пусть и талантливым, в сказочном роде литературы.

Пушкин покинул БДЧ в середине 1835 года, после того, как он решил издавать свой *Современник*. Ершов же оставался в БДЧ ещё шесть лет. Последним произведением Ершова на страницах журнала, которому он был обязан своей всероссийской славой, стало опубликованное в 44 томе за 1841 год стихотворение *Зимний вечер* – одно из самых ‘пушкинских’ произведений Ершова, написанных уже в Тобольске:

Воет ветер, плачут ели,
 Вьются зимние метели;
 Бесконечной пеленой
 Виснет хмара над страной.

<...>

Скучно! Грустно! Что же, други,
 Соберёмся на досуге
 Укоротить под рассказ
 Зимней скуки долгий час!

Конечно, это была случайность, но по-своему показательная.

Ершов и 'оперетта' Козьмы Пруткова

Козьма Прутков и его сочинения были придуманы писателями Алексеем Толстым, Алексеем, Владимиром, Александром Жемчужниковыми (двоюродными братьями Толстого). Коллективно был сделан и выбор псевдонима. Историками литературы неоднократно предпринимались попытки выявления и других участников кружка Козьмы Пруткова, которых определяют как эпизодических членов этого объединения.

Владимир Михайлович Жемчужников в своём письме к Александру Николаевичу Пышину от 6 (18) февраля 1883 года из Ментоны (Франция) сообщал о своём знакомстве в 1854 году в Тобольске, где он служил чиновником особых поручений при родственнике – тобольском губернаторе В.А. Арцимовиче, с П.П. Ершовым: «Мы довольно сошлись. Он очень полюбил Пруткова, знакомил меня также с прежними своими шутками и передал мне свою стихотворную сцену *Черепослов, сиречь Френолог*, прося поместить её куда-либо, потому что 'сознаёт себя отяжелевшим и устаревшим'. Я обещал воспользоваться ею для Пруткова и впоследствии, по окончании войны и по возвращении моём в СПб., вставил его сцену, с небольшими дополнениями, во 2-ое действие оперетты *Черепослов*, написанной мною с бр. Алексеем и напечатанной в *Современнике* 1860 г. – от имени отца Пруткова, дабы не портить уже вполне очертившегося образа самого Козьмы Пруткова» (Козьма Прутков 1965: 398-399).

В оперетте *Черепослов, сиречь Френолог*, которая в *Сочинениях Козьмы Пруткова* включена в раздел драматических произведений, высмеивается увлечение френологией (это слово в переводе на русский язык означает 'черепословие'). Основателем этой псевдонаучной теории о зависимости талантов и нравственных качеств человека от формы черепа был австрийский врач Франц Иосиф Галль (1758 – 1828). Френология получила широкое распространение в XIX веке, ею, к примеру, увлекался Ч. Диккенс и В.И. Даль, который под псевдонимом В. Луганский опубликовал цикл статей в *Литературной газете* за 1844 год под общим

заглавием *Черепословие и физиономика*, в которых приводится деление мозга на органы любви, самозащиты, поэзии, тщеславия, величия, твёрдости, хитрости (Луганский 1844: 459).

Содержанием ‘оперетты’, в которой в комическом свете показаны слабые стороны френологии, является сватовство отставного гусара Касимова и гражданского чиновника Вихорина к дочери френолога Шишкенгольма Лизе. Шишкенгольм ‘забраковал’ претендентов на руку своей дочери после исследования их черепов, на которых, по его мнению, отсутствовали шишки любви. Тогда Касимов решает сотворить выпуклости с помощью молотка фельдшера Иванова. Во 2-й картине оперетты (состоит из трёх частей) под заглавием “Пытка” Касимов, едва сдерживая рыдания, воспевает появление шишек на своей голове. На его череп ‘взлетают’ шишки славы, памяти, способности к музыке, живописи, учению, любви, терпению. Правда, экзекуция, которой подвергается влюблённый гусар, окажется безрезультатной. В 3-м действии оперетты Шишкенгольм разоблачает незадачливых женихов (Вихорин подбил парик шишками из ваты) и изгоняет их, а Лизе подбирает в мужья гидропата Курцгалопа, который лечит водой.

Вопрос о степени участия Ершова в создании стихов ‘оперетты’ впервые был затронут известным литературоведом Б.Я. Бухштабом и отражён в нескольких его работах (напр.: Бухштаб 1945).

Исследователь обращался к двум письмам Ершова. Из письма к Е.П. Гребёнке (прозаик, поэт, петербургский друг Ершова) от 5 марта 1837 года становится известно о работе Ершова и его приятеля Чижова над драматическим произведением *Черепослов*, предназначенным для тобольского гимназического театра: “Мы с Чижовым стряпаем водевиль *Черепослов*, в котором Галь получит шишку пречудесную. Куплетцы – заяденье! Вот ужю пришло их к тебе после первого представления”. В письме того же числа к другу В.А. Треборну Ершов упоминает водевиль как создание Чижова: “Ещё приятель мой Ч-жов готовит тогда же водевильчик *Черепослов*, где Галю пречудесная шишка будет поставлена. А куплетцы в нём – что ну, да на, и в Питере послушать захочется”.

На основании этих писем Б.Я. Бухштаб приходит даже к выводу о ‘проблематичности’ участия в создании *Черепослова* автора *Конька-Горбунка*, “поскольку в приведённых выше документах Ершов называет автором куплетов то себя с Чижовым, то одного Чижова” (Бухштаб 1982: 16).

Доказать причастность автора знаменитой сказки к созданию *Черепослова*, непосредственно повлиявшего на ‘прутковскую’ оперетту, помогает документ, хранящийся в фондах Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Это автограф П.П.Ершова, ещё не введённый в научный оборот и почти неизвестный ни ‘прутковсковедам’ ни ‘ершововедам’. Его уникальность – в соединении стихотворного текста с рисунком, выполненным пером и чернилами. Стихи расположены в верхней левой части листа. Это – два четверостишия на френологическую тематику:

Я много думал и учился,
 Натуры тайны я постиг,
 Кто умным, кто глупцом родился,
 Я ощупью узнаю вмиг.

Нам всем фортуна посадила
 На череп множество примет,
 Лишь разгадать их – в этом сила:
 В ком будет прок, в ком проку нет.

Нижнюю часть листа занимает рисунок с тремя мужскими фигурами, выполненными в подчёркнуто гротескной манере. Следует сказать, что Ершов обращался к рисункам, сочетая их со стихотворным текстом (свидетельство Ярославцова), но ни один из них не дошёл до нашего времени, поэтому рисунок из фондов ТГИАМЗ можно рассматривать как раритетный. Под рисунком надпись рукой Ершова: “С тремя портретами автора”.

Тематическое единство стихов и изображения подчёркивается особенно явно расположенной в левой нижней части листа фигурой мужчины во фраке. На его голове – высокая шапка с кистью, отдалённо напоминающая домашний колпак. Он – в небольших очках, водружённых на горбатый нос. Пальцами правой руки он как будто исследует неровности человеческого черепа, установленного на маленьком столике, покрытом скатертью. С правой стороны – изображение другого мужчины в том же одеянии. На его голове – парик с косицей и низкий головной убор. Обращают на себя внимание необычной формы очки и колоссальной величины нос. Между этими фигурами расположена суфлёрская будка, в которой виднеется голова и верхняя часть туловища ещё одного героя, одетого в куртку (венгерку?). Суфлёр – в круглых очках и шапке-ермолке(?).

Как же соотносится новонайденный документ с творением Петра Федотыча Пруtkова, созданного, по словам его сына Козьмы, уже в старости, но имеющего такие качества, как “весёлость, живость, острота и соль”? Мы не найдём ни в одной из трёх картин оперетты ершовских строк, записанных на листе, тем не менее, они вполне соответствуют рассуждениям старика Шишкенгольма из первой картины прутковского *Черепослова*. Так, Шишкенгольм останавливает женихов Касимова и Вихорина, мечтающих о браке с его дочерью, словами: “Тс!.. Молчать! Я уже много раз доказал вам: что вы оба не любите Лизу; доказал я вам это?! Ни слова более!.. Мне кажется, профессор френологии может всегда безошибочно узнать: кто способен и кто не способен любить женщину?.. Вы не способны любить женщину, и потому вы не любите мою Лизу! Слышите? Я наблюдал ваш череп; я знаю”.

Попытка женихов переубедить френолога разбивается о его непреклонность:

КАСИМОВ: Но мне ли не знать, господин Шишкенгольм, что вы ошибаетесь?

ВИХОРИН: (*пробиваясь из-за Касимова, который старается его заслонить, и, наконец, перебегая впереди Шишкенгольма на другую его сторону*) Клянусь... клянусь... вы ошибаетесь!

ШИШКЕНГОЛЬМ: (*гордо и строго*) Я ошибаюсь?! (*Ощупывает одновременно, обеими руками, их затылки*) Ни за что!

(Козьма Прутков 1965: 259).

В ремарке первой картины ‘оперетты’ указывается место действия. Это учебный кабинет Шишкенгольма. Френолог сидит в кресле и рассматривает “человеческий череп, исчерченный по науке Галля”, а его дочь Лиза исследует гипсовую модель черепа на подставке.

Можно предположить, что изображённые на рисунке фигуры соотносятся с героями ‘оперетты’: Шишкенгольмом, Касимовым и Вихориным. Правда, не всё изображённое на рисунке Ершова можно отгадать исходя из текста прутковской оперетты. Так, в сочинении Пруткова отсутствует мотив носа, а в *Черепослове* Ершова френология, по всей вероятности, сплеталась с ‘носологией’. Можно говорить об особом интересе Ершова к мотиву носа, достаточно характерном для русской литературы 30-х гг. XIX века (В. Карлгоф, Н. Гоголь, В. Луганский) и отразившемся в его юмористическом стихотворении *Нос*, которое будет опубликовано в 1858 году в журнале О.И. Сенковского *Весельчак*.

Интересно будет разобраться и с подписью на рисунке Ершова, где все герои рассматриваются как своеобразные ипостаси автора, при том, что внешнее сходство (с самим Ершовым) можно увидеть лишь в одном – суфлёре.

И лишь дальнейшая работа над темой “Пётр Ершов и Козьма Прутков” поможет прояснить таинственные моменты рисунка, который мог быть одной из страниц утраченной рукописи водевиля Ершова и его приятеля Чижова “Черепослов”, послужившего отправным моментом для ‘оперетты’ *Черепослов, сиречь Френолог*, включённой во все издания сочинений бессмертного Козьмы Пруткова.

Ершов и первая сибирская газета

27 апреля 1857 г. выходит первый номер *Тобольских губернских ведомостей* (далее ТобГВ). Вскоре появятся аналогичные издания в Томске, Красноярске и Иркутске. Но в отличие от центров трёх других сибирских губерний Тобольск обладал давними традициями в сфере периодической печати, так как ещё в конце восемнадцатого века здесь издавались журналы *Иртыш, превращающийся в Иннокфрену* (сентябрь 1789 – декабрь 1791) и *Библиотека учёная, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей* (1793 – 1794).

После значительного перерыва в шестьдесят лет в Тобольске вновь появляется печатный орган. Немало усилий для того, чтобы стало возможным появляе-

ние газеты, предпринял В.А. Арцимович – гражданский губернатор Тобольска с 1854-1858 гг. В то время типография при губернском правлении находилась в состоянии полного упадка: устаревшие печатные станки, недостаток печатного шрифта и типографской краски. Арцимович решает эту проблему при содействии своего тестя, сенатора М.Н. Жемчужникова, который хлопотал об отправке из Петербурга в Тобольск нового типографского оборудования.

Он же привлекает к работе в ТобГВ Ершова, который становится не только цензором газеты за 1857 – 1858 гг. (его подписи: “Печатать позволяется. Рассматривающий неофициальную часть ведомостей директор гимназии П.Ершев” и “Цензор, директор училищ П.Ершов” встречаются почти во всех номерах газеты за этот период), но и негласным редактором неофициальной части, определявшим основные концептуальные моменты газеты, автором целого ряда статей, организатором корреспондентского корпуса данного издания.

Но эта деятельность Ершова не была отмечена даже его современниками, а в воспоминаниях о той эпохе ему отводится скромное место одного из авторов ТобГВ.

Примером может служить статья Я.С. Скропышева, в которой рассматривается тобольский период деятельности В.А. Арцимовича: “В.А. принимал самое живое участие в наполнении статьями неофициальной части и вполне достиг этого. Авторами таких статей были и **директор** (выделено мною – Т.С.), и инспектор, и учителя местной гимназии, штатные смотрители училищ, некоторые священники, один офицер линейного батальона (Потанин), начинавший тогда свою литературную деятельность, Н.М. Ядринцев и даже некоторые чиновники, служащие в Тобольске” (Скропышев 1904: 78).

На самом деле роль Ершова была гораздо значительней. Можно с достаточной уверенностью утверждать, что на момент основания ТобГВ Ершов, по всей видимости, был единственным жителем Тобольской губернии, имевшим опыт личного и творческого общения с самыми блистательными журналистами той эпохи: П.А. Плетнёвым, О.И. Сенковским, Ф.В. Булгариным, которые в пору его юности способствовали изданию и популяризации *Конька-Горбунка*, а в послепетербургский период жизни Ершова публиковали его стихотворения и статьи на страницах редактируемых ими журналов и газет.

В отличие от других представителей тобольской интеллигенции, Ершову не надо было постигать азы журналистики. К моменту появления ТобГВ он уже был состоявшимся журналистом, печатавшимся на страницах *Санктпетербургских ведомостей*, *Русского инвалида*, *Северной пчелы*.

Конечно же, В.А. Арцимович не мог не знать этого и доверил газету человеку, которого ценил за литературный и педагогический таланты. В качестве примечания следует сказать, что именно Арцимович способствовал утверждению Ершова на должность директора училищ, а в 1858 году добился для него командировки в Петербург. И Ершов, в свою очередь, был расположен к новому губернатору,

в своём письме от 28 августа 1857 года, адресованном петербургскому другу В.А. Треборну, он замечает: “Я помнится писал тебе, что дел у меня порядочная куча. Помощником пока один Бог да истинно достойный начальник наш, Тобольский губернатор Виктор Антонович Арцимович. Поверь мне, что если б Россия была так счастлива, что хотя б в половине своих губерний имела Арцимовича, то Щедрина пришлось бы голодать, не имея поживы для своих Губернских очерков. Когда-нибудь, на досуге, я расскажу тебе об этой замечательной личности, а теперь порекомендую только заглянуть в наши *Тобольские ведомости*. Тут ты увидишь, что можно сделать в самое короткое время, при умном, благонамеренном и деятельном начальнике[...].” (Ярославцов 1872: 158).

Работа Ершова в ТобГВ фактически прекратится с отъездом Виктора Антоновича. В июле 1858 года император Александр II подпишет указ о переводе Арцимовича гражданским губернатором в Калугу, после чего статьи Ершова будут публиковаться на страницах газеты всё реже. В ТобГВ № 40 (1 октября) в последний раз появятся его заметка и цензорская подпись, а в № 41 читатели увидят уже другие имена: д.с. советника Милордова (цензура) и П. Козаченко (исправл. должность редактора).

Каков же вклад автора *Конька-Горбунка* в развитие сибирской журналистики? Ответу на этот вопрос предшествовала атрибуция Ершову целого ряда заметок данного издания, на страницах которого он печатался анонимно или под псевдонимами: Житель Тобольска, Любитель, Тобольский житель.

Установить авторство Ершова не очень сложно. Сильная творческая индивидуальность проявляется и в публицистике – *ex ungue leonem*. Его статьи и заметки выделяются по тематике, стилю и интонации на фоне других работ, в большинстве своём статистически-информационного, этнографического или исторического характера. Они отражают его идеологию: последовательное утверждение официальной доктрины “православие, самодержавие, народность”, мысль о Сибири как полноправной составляющей российского государства, идею гегемонии русского народа. В них отчётливо просматриваются эстетические пристрастия Ершова: с позиций романтизма, которому он остаётся верен до конца жизни, Ершов анализирует музыку и театр. Он отличается от других авторов ТобГВ манерой личного обращения к читателю, придавая своим статьям форму дружеского письма, столь характерного для литературы и журналистики пушкинской эпохи.

Отчётливо проявляется круг тем, к которым тяготеет Ершов-журналист. В первую очередь, это тема празднеств, связанных с членами Императорского Дома: рождением, бракосочетанием, коронацией и пр., а также приездом в Тобольск высокопоставленных лиц. Данную тему он освещал и на страницах столичных изданий. В книге А.К. Ярославцова есть на это прямое указание: “Оставаясь по конец жизни своей в правилах честных, с отроческой душой христианина, Ершов оставался и чисто русским. Потому-то сказка его и проникнута так русским духом, потому он и мог с таким увлечением описать праздник в Тобольске, в мае

1841 года, по случаю бракосочетания Государя Наследника, ныне благополучно царствующего Государя Императора. Описание это, присланное Ершовым к Треборну, тогда же напечатано в № 128 *С-Петербургских ведомостей* 1841 года” (Ярославцов 1872: 77-78).

Начало статьи, размещённой на первой странице газеты в разделе “Внутренние известия” – это апелляция к патриотическим чувствам далёкого друга; императивность высказывания, повышенная экспрессивность интонации соединяется здесь с афористичностью или, точнее, своеобразной “пословичностью” ершовского стиля: “Ты не поверишь, друг мой, с каким удовольствием я берусь сегодня за перо, чтобы писать к тебе. Это письмо, надеюсь, вполне искупит продолжительное моё молчание, не столько по величине своей, сколько по содержанию. Ты Русский, и верно, простой, безыскусственный голос дальнего соотечественника расшевелит патриотическое твоё сердце, и снова заставит тебя благословить судьбу, что она дала нам в отечество – Россию. Я хочу описать тебе наш праздник по случаю вожделенного бракосочетания Государя Наследника, и наперёд прошу не взыскивать, если я буду порой многоречив: когда полно сердце – язык говорит без устали” (с. 565).

Статья даёт достаточно отчётливое представление о журналистских приёмах Ершова и становится своеобразным ‘ключом’, позволяющим атрибутировать ему многие ‘безымянные’ статьи на страницах ТобГВ. Это *Праздники коронации в Тобольске* (1857, № 6), *О праздниках в Тобольске по случаю приезда сюда Его Высочайшего восхождения, Господина Генерал-Губернатора Западной Сибири Густава Христиановича Гасфорта* (1858, № 15). Первая публикация статьи о приезде генерал-губернатора состоялась в столичном издании – газете *Русский инвалид* за этот же год (ТобГВ не указывают номер газеты).

С первой темой непосредственно связана тема религиозной жизни города: крестных ходов, литургий, молебнов: заметки в рубрике “Местные известия” о Божественной литургии в Софийском соборе в день рождения императрицы Александры Фёдоровны (1857, № 11), о торжественном молебствии по случаю наводнения (1857, № 10), об освящении тюремного замка и церкви при нём (1857, № 9), о Дне принесения из Абалака чудотворной иконы Знамения Божией Матери (1857, № 12), о возвращении Абалакской иконы Божией Матери (1857, № 15).

Вторая группа статей обращена к основным событиям городской культурной жизни или светским развлечениям тобольских жителей: благотворительным концертам, гастролям заезжих музыкантов, приезду театральной труппы, открытию городского сада, загородным прогулкам тоболяков и пр.

Тематика третьей группы статей определяется директорской деятельностью Ершова, его заботами о развитии женского образования, об открытии новых учебных заведений, библиотек, детского приюта.

Интересно посмотреть на то, как во многих статьях ‘сквозит’, ‘мерцает’, ‘светится’ поэтический дар Ершова, узнаётся Ершов-лирик. При исследовании пуб-

лицистики с этой точки зрения можно видеть, как мотивы и образы его стихотворений находят своеобразное преломление на страницах ТобГВ. Обращает на себя внимание сквозная тема почти всех газетных работ Ершова – посещение Сибири цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 году. В честь высокого гостя, первого представителя царской фамилии, побывавшего в Сибири, Ершов пишет оду *Государю наследнику на приезд Его в Тобольск*. Она была передана цесаревичу 3 июня 1837 года через В.А. Жуковского, находившегося в свите наследника. 3 января 1838 года состоялась её первая публикация в газете *Русский инвалид*. Последними строчками этого стихотворения: “А ты, Творец непостижимый, / Молитвы тёплые внемли, / Да будет Он, Тобой водимый, / Твоим подобьем на земли!”, Ершов завершает одну из первых своих статей на страницах ТобГВ *Праздники коронации в Тобольске* (1857, № 6), подписанную псевдонимом ‘Житель Тобольска’. Здесь же и примечание, предваряющее четверостишие: “Сладкое чувство наполняет грудь при мысли, что всё это для Него, для обожаемого Монарха, надежды и гордости России. Закрываю письмо моё последнею строфою стихов, имевших счастье быть поднесёнными Его Императорскому Величеству, во время незабвенного его пребывания в 1837 году в Тобольске”.

Все последующие его публикации служат фактическим подтверждением этого стихотворения, утверждающего значимость для всей Сибири визита двадцатилетней давности. Образ прекрасного юноши – будущего царя, на фоне древнего города в упоминаемой оде, а также неопубликованном стихотворении Ершова *Видение*, будет присутствовать и в публицистике.

Статьи Ершова отмечены образностью и патетикой, а также непосредственной установкой на контакт с читателем, которому автор, часто выступающий в качестве очевидца, пытается передать свои эмоции. Особенно удачны с художественной точки зрения массовые сцены.

Эта сильная сторона дарования Ершова, проявившаяся ещё в *Коньке-Горбунке* (описание конного рынка) ощущается в картинах народных празднеств, гуляний, религиозных процессий, представленных в динамике и заключённых в ‘раму’ живописных тобольских окрестностей. Показательны в этом отношении статьи о возвращении иконы Абалакской Божией Матери и о празднестве в честь генерал-губернатора Гасфорта, где в духе романтической ‘синэстезии’ соединяются цвет, свет, звук, движение.

Примером может служить рассказ о богомольцах, сопровождающих икону Божией матери из Тобольска в Абалак, в котором религиозное чувство автора неотделимо от эстетических переживаний: “Святая гостья оставила нас: образ чудотворной иконы Абалакской Божией Матери унесён из Тобольска 24 июля. [...] Богомольцы и богомолки, одетые большей частью по дорожному, снова спешили на гору, за заставу, в церковь архиерейской рощи. Так как самая церковь очень невелика, то приходящие, поклонясь Св. Образу, почти тотчас же выходили из неё и, оставаясь ожидать окончания обедни в роще и даже за оградой, составляли

пёструю, разнообразную ленту вокруг церкви, которой придавала ещё более живописности зелёная кайма вековых деревьев рощи. [...] Поразительна картина самого хода для человека, увидевшего оный в первый раз. Сначала движется целый лес церковных хоругвей, собранный со всех церквей города Тобольска, потом в особенно устроенном киоте, окружённый духовенством и клиром певчих, несётся Св. Образ, а густая, пёстрая толпа богомольцев и разных экипажей, в полном смысле, покрывает всю дорогу” (1857, № 15).

ТобГВ сохранили и редакторский почерк Ершова, его взгляд на задачи провинциальной газеты, с особой отчётливостью выраженный в рубрике “Местные известия”, которая появляется в неофициальной части с № 4. В статьях этой рубрики содержится немало рассуждений о “стратегии” провинциальной сибирской газеты, которая должна давать представление о своеобразии “каждого” города Тобольской губернии, показывать “физиономию места”, фиксировать на своих страницах происшествя, “сколько-нибудь выходящие из круга обыденной жизни” (1857, № 26).

Наряду с этим в ТобГВ отчётливо звучит мысль о необходимости открывать сибирякам и колоссальные масштабы их родины, и богатства, которыми она обладает. В одном из первых номеров ТобГВ помещено приветствие редакции новой сибирской газете *Иркутские губернские ведомости*: “Сибирь так исполински раскинута, расстояния между её губерниями и городами так огромны, что почти ни один Сибиряк не может похвастаться знанием своей обширной родины, то есть знанием её истории, преданий, а также нравов, обычаев и быта диких обитателей Севера. Вот почему любопытно и заманчиво нам, Сибирякам, ознакамливаться с Сибирью, в которой мы так долго живём и которую так мало знаем, и вот почему мы с особенным удовольствием встретили появление в Тобольске первых листков новой Иркутской газеты, Губернских Ведомостей, с их неофициальной частью” (1857, № 13).

Эти рассуждения созвучны замыслам молодого Ершова, мечтавшего после университета заняться всесторонним исследованием необъятной Сибири. В стихотворении 1835 года *Тимковскому (на отъезд его в Америку)* Ершов писал: “Подслушать тайные сказанья / Лесов дремучих, скал седых / И вырвать древние преданья / Из уст курганов гробовых”.

Через много лет эти неосуществлённые планы в какой-то мере реализуются в неофициальной части ТобГВ, которой ‘заведовал’ Ершов. Страницы газеты будут представлены “знатокам” края, популяризаторам сибирской истории и культуры, к каковым с полным правом можно отнести и самого Ершова.

Ершов и ‘русский итальянец’ Николай Маджи

Причудливо соединение человеческих судеб в пространстве и времени. Встреча русского писателя Петра Ершова и художника итальянского происхождения Николая Маджи состоялась в далёкой Сибири в середине XIX столетия.

Результатом этого знакомства стал прекрасный портрет автора прославленной сказки, выполненный неизвестным, но несомненно одарённым живописцем.

Совсем непросто сопоставлять эти две фигуры, так как в первом случае речь идёт о поэте, занимающем прочное место в истории русской словесности, а во втором – о художнике, открытом лишь совсем недавно. И всё же такая параллель не представляется надуманной уже по причине творческой родственности Ершова и Маджи, преданных высокому искусству романтизма.

О Николае Гаэтановиче Маджи мы знаем совсем немного. Отдельные сведения почерпнуты из служебных бумаг, найденных нами в Тобольском и Томском архивах. Николай Маджи был учителем искусств в уездных училищах Ишима и Туринска. Итальянец по национальности, “из австрийских подданных”, но православного вероисповедания, он закончил Петербургское Римско-католическое училище, а в 1852 году по “удостоению” императорской Академии художеств и Департамента народного просвещения был определён учителем рисования в Берёзовское уездное училище. Но по прибытии в Сибирь, возможно, не без участия Ершова, оказался незамедлительно перемещён в более мягкий климат Ишим (недаром его называли Италией Сибири), а через два года в Туринск. Пятилетний туринский период в 1859 году вновь сменился ишимским. По всей вероятности, Маджи так и оставался до конца своей жизни в Сибири. Здесь родились его дети – Анна и Евлампий. Евлампий Николаевич Маджи в конце XIX столетия преподавал, как и некогда его отец, рисование в учебных заведениях Тобольска.

А теперь обратимся к портрету П. Ершова работы Николая Гаэтановича Маджи, выполненному, как можно предположить, с натуры в 1857-1860 гг. во время инспекторских визитов П.П. Ершова в Ишим или Туринск³. Этот портрет был обнаружен нами в рукописном отделе Российской национальной библиотеки в 2004 году⁴. Сюда он попал из архива коллекционеров Картавовых. Недатированный портрет размером 26 на 20 сантиметров, написанный маслом на картоне и обрамлённый овалом, представляет Ершова средних лет на фоне неба с лёгкими, розоватого оттенка облаками. На нём чёрный сюртук, белая рубаша, узкий галстук-бант. Одухотворённое лицо задумчиво и спокойно – облик, соотносимый со словесным описанием университетской поры в первой биографической книге

³ Тобольский архив (ГУТО ГА в г.Тобольске). Ф. 152. Оп. 31. Д. 1015. Дело о перемещении учителя искусств Ишимского уездного училища Маджи в Туринское уездное училище. 1854 г. (7 л.).

Томский архив (ОГУ ГАТомО) Ф. 125. Оп. 2. Д. 12. По отношению Г. Министра Народного Просвещения об утверждении в службе учителя Ишимского уездного училища (из иностранцев) Маджи и об отдале ему старшинства в одной со дня допущения его начальством к служебным занятиям. Начато 9 сентября 1855 г. На 4-х лл.

⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Ф. 712. Собр. рис. № 535.

его друга А.К. Ярославцова: “[...] Это была сибирская девственная натура, хранящая в себе какие-то драгоценности. Спокойным днём мая представлялось лицо его, бледноватое, без румянца; тёмные волосы слегка закручивались на широком лбу и на висках; нос небольшой; брови дугой подымались над его добродушными глазами, из которых глядели мысль и фантазия; зрачки глаз были небольшие, голубые; голова на довольно широких плечах, всегда наклонена немного вперёд”.

На оборотной стороне портрета надпись печатными буквами: “Писал Н. Маджи”. Судьба этого портрета Ершова, созданного в Сибири провинциальным учителем, по-своему исключительна. Неизвестный до настоящего времени, он ещё во второй половине XIX столетия стал источником для гравированного изображения поэта, включавшегося почти во все издания *Конька-Горбунка* с 1880 по 1917 г. Имена художника и гравёра в этих небольших по формату книжках не указывались; под портретом размещался ершовский автограф.

Следует сказать, что ершовская иконография не очень обширна. Во всех изданиях нашего времени можно видеть портреты писателя, выполненные сибирским художником Михаилом Степановичем Знаменским в реалистической, а порой гротескно-сатирической манере, на которых Ершов представлен в последние годы своей жизни располневшим от болезни (водянки) человеком.

Портрет Маджи – иного плана. Созданный в русле романтической портретной живописи О.Кипренского, К.Брюллова, В.Тропинина, он выражает идеальную ипостась природы Ершова. Мы видим здесь поэта, который “светлыми мечтами волшебный мир в душе своей явил” (стихотворение *Вопрос*), которому “небо света открывалось с своею вечной красотой” (стихотворение *Оправдание*). Маджи – русский художник ‘из иностранцев’, сохранил и передал нам образ Ершова, для которого романтизм во все периоды его существования оставался неизменно живым явлением культуры.

Библиография

- Ахматова 1989: А.А. Ахматова, “Сказка о золотом петушке” и “Царь увидел пред собой...”: Комментарий, в: О Пушкине. Статьи и заметки, М. 1989, с. 41-50.
- Бухштаб 1945: Б.Я. Бухштаб, *Козьма Прутков, П.П. Ершов и Н.А. Чижов*, “Омский альманах”, 1945, 5, с. 116-130.
- Бухштаб 1965: Б.Я. Бухштаб, *Примечания к Полному собранию сочинений Козьмы Пруткова*, М.-Л. 1965.
- Бухштаб 1966: Б.Я. Бухштаб, *Декабрист – участник Козьмы Пруткова*, в: *Библиографические разыскания по русской литературе XIX века*, М. 1966, с. 18-26.
- Ершов 1834: П.П. Ершов, *Конёк-Горбунок*. СПб. 1834.

- Ершов 1976: П.П. Ершов, *Конёк-Горбунук. Стихотворения*, Л. 1976.
- Исупов 1989: К.Г. Исупов, "Прощание с Петербургом" П.Ершова в контексте имперского мифа, в: Пётр Павлович Ершов – писатель и педагог: Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции. 22-24 ноября 1989 года, ИШНМ 1989, с. 29-30.
- Луганский 1844: В. Луганский, *Черепословие и физиономика*, "Литературная газета", 1844, 27, с. 451-460; 29, с. 491-495.
- Осповат, Тименчик 1985: А.А. Осповат, Р.Д. Тименчик, "Течальну повесть сохранить...": Об авторе и читателях "Медного всадника", М. 1985.
- Плаксин 1835: В. Плаксин, *Взгляд на последние успехи русской словесности 1833 и 1834 годов*, в: *Летопись факультетов на 1835 год*, изданная в двух книгах А. Галичем и В. Плаксиным, СПб. 1835, 1, с. 26-29.
- Пушкин 1999а: А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в 19 т.*, V, М. 1999.
- Пушкин 1999б: А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в 19 т.*, XI, М. 1999.
- Скропышев 1904: Я.С. Скропышев, *Тобольская губерния в пятидесятых годах*, в: *Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики*, СПб. 1904, с. 77-90.
- Прутков 1965: *Сочинения Козьмы Пруткова*. М. 1965.
- Ярославцов 1872: А.К. Ярославцов, *Пётр Павлович Ершов, автор сказки "Конёк-Горбунук": Биографические воспоминания университетского товарища его*, СПб. 1872.

Abstract

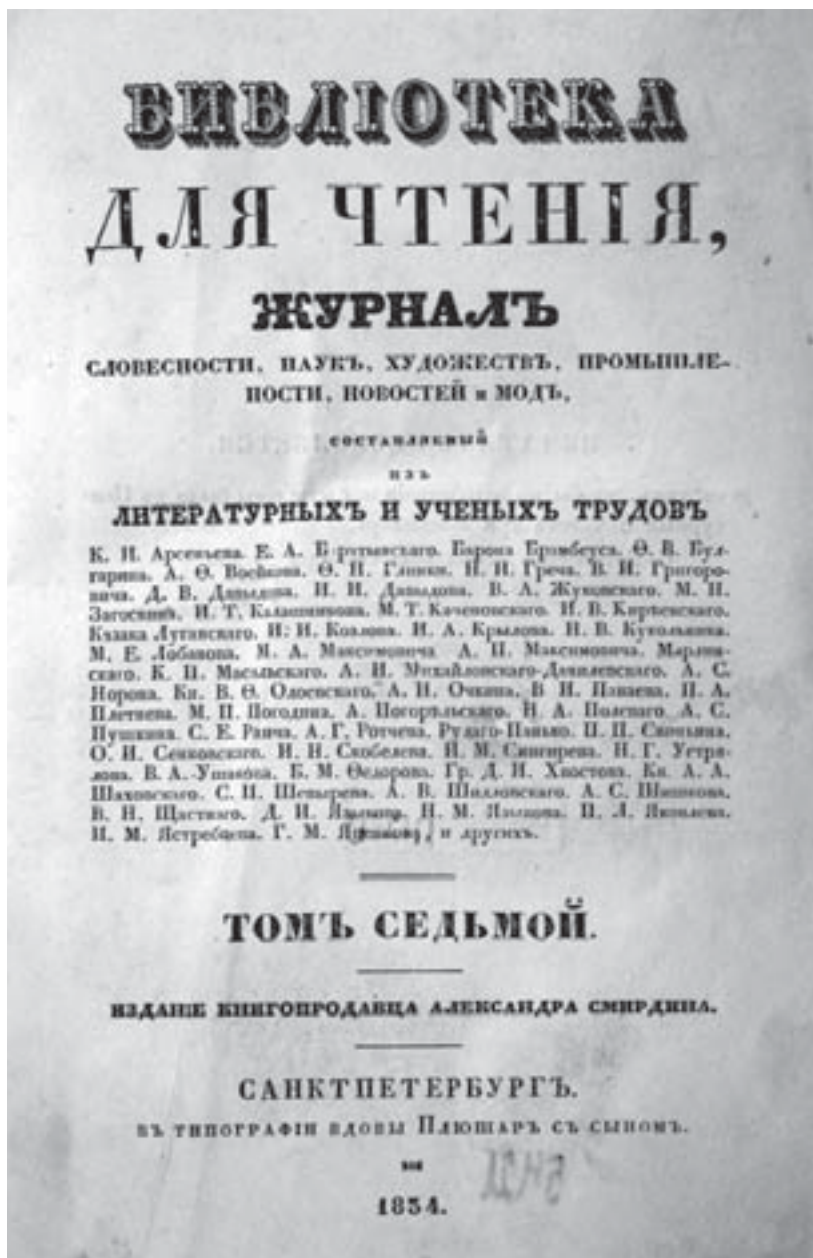
Tat'jana Pavlovna Savčenkova

Unknown Famous Jershov, or Four Essays on the Author of the Russian Tale Konjok-Gorbunok

The work is devoted to unknown sides of the life and creation of Petr Pavlovich Jershov, the author of the famous tale *Koniok-Gorbunok*. Jershov is presented as an active participant of Pushkin's epoch. He was one of several authors of the popular magazine *The Library for Reading*, where his works were published with Pushkin's poetry. Later he became an important figure in Siberian culture and a gifted journalist in the newspaper *Tobolskie Gubernskie Vedomosti*. On the basis of newly found facts and documents, the author presents Jershov's contribution to the creation of the image of Kozma Prutkov and the role of Jershov in the destiny of the artist from Ishima Nikolai Gaetanovich Madji, Italian by birth, who had written one of the best portraits of the Russian poet.

Портрет П.П. Ершова работы Н.Г. Маджи. Конец 1850-х гг. (Отдел рукописей РНБ – Санкт-Петербург).

Титульный лист журнала “Библиотека для чтения”. 1834 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е	
СЕДЬМАГО ТОМА.	
I.	
РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.	
СТИХОТВОРЕНИЯ.	
Ночь въ рождество Христово. П. П. Ершова.....	4.
Два гроба. В. Гарпенко.....	8.
Молодой Орелъ. П. П. Ершова.....	12.
Милостыня. Сизирева.....	13.
Цезербургъ, Отрывокъ въ возмъ. А. С. Пушкина...	16. (17)
Байронъ въ Колпезъ. Н. Н. Козлова.....	120.
Стансы. Н. Пашева.....	125.
Пзвель, Баллада Гёте. А. Стругошицкова.....	123.
Братское счастье. А. С. Норова.....	127.
Модное гулябще. М. Маркова.....	129.
Къ младенцу. Красавицъ. Воплощенный идеаль М. Деларю.....	150.
ПРОЗА.	
Княжна Мими. Домашніе разговоры. Князя В. Ѳ. Одоевскаго.....	17.
Три женитбы вопреки разуму. Князя А. А. Шаховскаго.....	75.
Повести. Повесть. Барона Брамбеуса.....	90.
Хлопотунъ. А. Ѳ. Воейкова.....	155.
Сценъ на море. А. Г. Ротчева.....	158.
Донъ-Кихотъ XIX вѣка. Повесть. К. П. Мосальскаго.....	159.
Кирджали. Повесть. А. С. Пушкина.....	197.
Предубъжденіе, Статья одного человека. (Барона Брамбеуса).....	205.
II.	
ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.	
Кольриджъ. Изъ <i>Quarterly Review</i>	1.
Оминбусы, или Отъ всего близка. Изъ <i>Blackwood's Magazine</i>	21.

Рисунок и восьмистишие П.П. Ершова к водевилю “Черепослов, сиречь Френолог”. 1837 г. Отдел рукописей ТГИАМЗ.